

— Вчерашнего больше не повторяй. — Лу Шаоцзюэ, увидев, что Сяо Ханьси наелся, попросил его достать телефон и открыть QR-код для перевода денег. — Если тебе понадобится вдохновение, свяжись с Юй Линьцзинем, он поможет тебе безопасным способом. Лу Е и Янь Шаохэн с детства шалили, не стоит присоединяться к их безумствам. Это твои карманные деньги, покупай, что хочешь. Я сейчас очень занят, редко бываю здесь, так что, когда остаешься один, будь осторожен.

Сяо Ханьси получил крупную сумму, и в его глазах загорелся блеск.

— Брат Лу, ты так заботаешься обо мне, это нормально? Я сейчас живу за твой счет, получаю от тебя зарплату, а ты еще и даешь мне карманные деньги.

— Раз я решил заботиться о тебе, ты стал моей ответственностью. Я сказал, не нужно так благодарить. — Лу Шаоцзюэ слегка смягчил взгляд, но Сяо Ханьси, не привыкший к нему и подсознательно избегавший смотреть на его лицо из-за сходства с кем-то другим, не заметил теплоты в его глазах. — В ближайшее время займись учебой, освой то, что еще не знаешь. Работы я тебе дам немного. И еще, до начала учебы осталось не так много времени, тебе нужно готовиться.

Сяо Ханьси послушно кивнул.

Лу Шаоцзюэ видел, что тот был полон настороженности по отношению к нему. В этот момент юноша был словно еж, и любое прикосновение могло вызвать взрыв.

Он решил держаться на расстоянии, давая Сяо Ханьси почувствовать себя в безопасности, чтобы тот постепенно раскрылся.

Лу Шаоцзюэ всегда был терпелив в отношении Сяо Ханьси. Он знал, как сложно к нему подобраться, и понимал, что сейчас не должен проявлять даже намека на интерес, иначе может напугать его, и тогда вернуть будет невозможно.

Лу Шаоцзюэ также не стал упоминать прошлые жизни.

Он не был уверен, помнит ли Сяо Ханьси, сколько и насколько ярко. Для него прошлое было слишком тяжелым, и он хотел, чтобы его повелитель освободился от этого и жил счастливо, не заикливаясь на старых воспоминаниях, не ощущая тревоги и печали.

Лу Шаоцзюэ знал, что он значил для Сяо Ханьси. Он никогда не приносил хороших новостей, никогда не делал его счастливым.

Каждый раз, когда они встречались, Сяо Ханьси казался озабоченным, а впоследствии их отношения ухудшились, и в его глазах всегда читался холод. Лу Шаоцзюэ не знал, откуда взялся этот холод, и не смог его растопить.

Между ними было слишком много недосказанного, слишком много необъяснимого. Лучше начать заново, писать черными чернилами на черной бумаге или белыми на белой — разница огромна. Лу Шаоцзюэ сдерживал свою одержимость, шаг за шагом осторожно приближаясь.

Сейчас он не мог проявлять свои чувства слишком явно, иначе напугает котенка.

Убедившись, что Сяо Ханьси выздоровел, Лу Шаоцзюэ отправился на работу, как заботливый родитель, беспокоящийся о своем ребенке. Это немного расслабило Сяо Ханьси, который с самого утра был напряжен.

Вчера он был в полубессознательном состоянии, но смутно помнил, как Лу Шаоцзюэ ухаживал за ним до глубокой ночи.

Такая забота уже пересекла границу, которую он установил.

Хотя Сяо Ханьси с удовольствием принимал все, что давал ему Лу Шаоцзюэ, материальные вещи можно было вернуть в будущем. Но эмоциональная забота и привязанность были для него как яд, покрытый медом. Он не хотел даже приближаться к этому.

Его сердце когда-то принадлежало только одному человеку, а теперь, хотя оно и опустело, больше никого не впустит. Несмотря на то, что он казался общительным и легким в общении, Сяо Ханьси всегда держал дистанцию. Даже с Лу Е, с которым он, казалось, хорошо ладил, их дружба была поверхностной.

В каком-то смысле, Сяо Ханьси закрыл свое сердце, защищаясь от всего, потому что знал: если откроется, его снова ранят. Он уже был изранен и теперь зализывал раны в одиночестве, не желая давать никому шанса снова причинить ему боль.

В прошлой жизни он слишком много сдерживался, и теперь, читая этот дурацкий сценарий, Сяо Ханьси думал: «На этот раз я буду свободен, как ветер.

Не буду больше влюбляться, как говорится в современных выражениях: секс — пожалуйста, а вот любовь — нет».

Лу Шаоцзюэ не знал, о чем думает его повелитель, но если бы узнал, вряд ли смог бы продолжать действовать медленно. Скорее всего, он бы просто вытащил его и промыл мозг, чтобы избавиться от всего этого мусора.

Действия Лу Шаоцзюэ, который после того, как Сяо Ханьси пришел в себя, начал держаться на расстоянии, немного успокоили его. Он вздохнул с облегчением, и настроение улучшилось. Однако он не собирался отдыхать. Закончив трапезу и немного отдохнув, он отправился в звукозаписывающую студию, чтобы записать вчерашние идеи и постепенно превратить их в музыку.

Он провел в студии весь день, и когда вышел, уже стемнело.

В гостиной горел свет, и в воздухе витал соблазнительный аромат. Сяо Ханьси подошел и заглянул на кухню, где что-то происходило.

Это было странно. Домработница обычно готовила не в это время, и она никогда не позволяла себя заметить. Сяо Ханьси уже несколько раз ел приготовленные ею блюда, но никогда не видел ее, словно в доме жила какая-то «улиточная дева».

Аромат, доносящийся с кухни, был восхитительным, и у Сяо Ханьси разыгрался аппетит. Он потрогал живот, чувствуя голод.

Его поза, когда он заглядывал на кухню, была забавной, и Лу Шаоцзюэ, обернувшись, с легкой улыбкой сказал:

— Ужин будет готов чуть позже. Ты голоден?

Сяо Ханьси на мгновение замер. Раньше он видел лишь смутный силуэт, и в голове у него было множество догадок. Он даже подумал, что это Юй Линьцзинь готовит, ведь тот казался

мастером на все руки. Однако даже у самого универсального ассистента есть свои слабости: Юй Линьцзинь всегда приносил еду, но никогда не показывал своих кулинарных навыков.

— Брат Лу сам готовит?

— Мм, когда есть время, готовлю сам. Не привык к еде домработницы.

Сяо Ханьси кивнул, думая про себя, что у этого богатого покровителя весьма своеобразные привычки. У богатых людей всегда есть какие-то странные причуды.

У самого Сяо Ханьси тоже было множество недостатков, поэтому он не заикнулся на этом. Однако одна его скрытая догадка развеялась: смотри, даже сам Лу Шаоцзюэ готовит, а Лу Цзюэ никогда бы этого не сделал, как он говорил, когда учил Сяо Ханьси: «Благородный муж держится подальше от кухни». Тот человек, казалось, очень ценил этикет, а Сяо Ханьси, будучи его учеником, испытывал глубокое уважение к кухне.

Говоря проще, он просто ленился и не хотел учиться готовить.

Готовить? Никогда. Лучше умереть с голоду, чем готовить.

Современная жизнь очень удобна: есть рестораны, доставка еды, домработница, словно «улиточная дева», — жизнь прекрасна. А если совсем невмоготу, есть лапша быстрого приготовления. Сяо Ханьси и думать не хотел о том, чтобы заходить на кухню.

Но когда Лу Шаоцзюэ готовил, это было другое дело. По аромату, доносящемуся с кухни, можно было догадаться, что ужин будет вкусным. Сяо Ханьси, не стесняясь, видя, что Лу Шаоцзюэ явно готовил и для него, покорно сел за стол, ожидая еды, словно милый котенок, готовый к кормлению.

Лу Шаоцзюэ почувствовал тепло в сердце, радуясь, что когда-то научился готовить у отца.

Кормить своего ребенка лучше всего своими руками.

Хотя в его голове проносились разные сцены, за ужином они почти не разговаривали. Единственное, что выдавало Сяо Ханьси, — это его расслабленное выражение лица, когда он ел.

<http://bllate.org/book/16215/1455992>